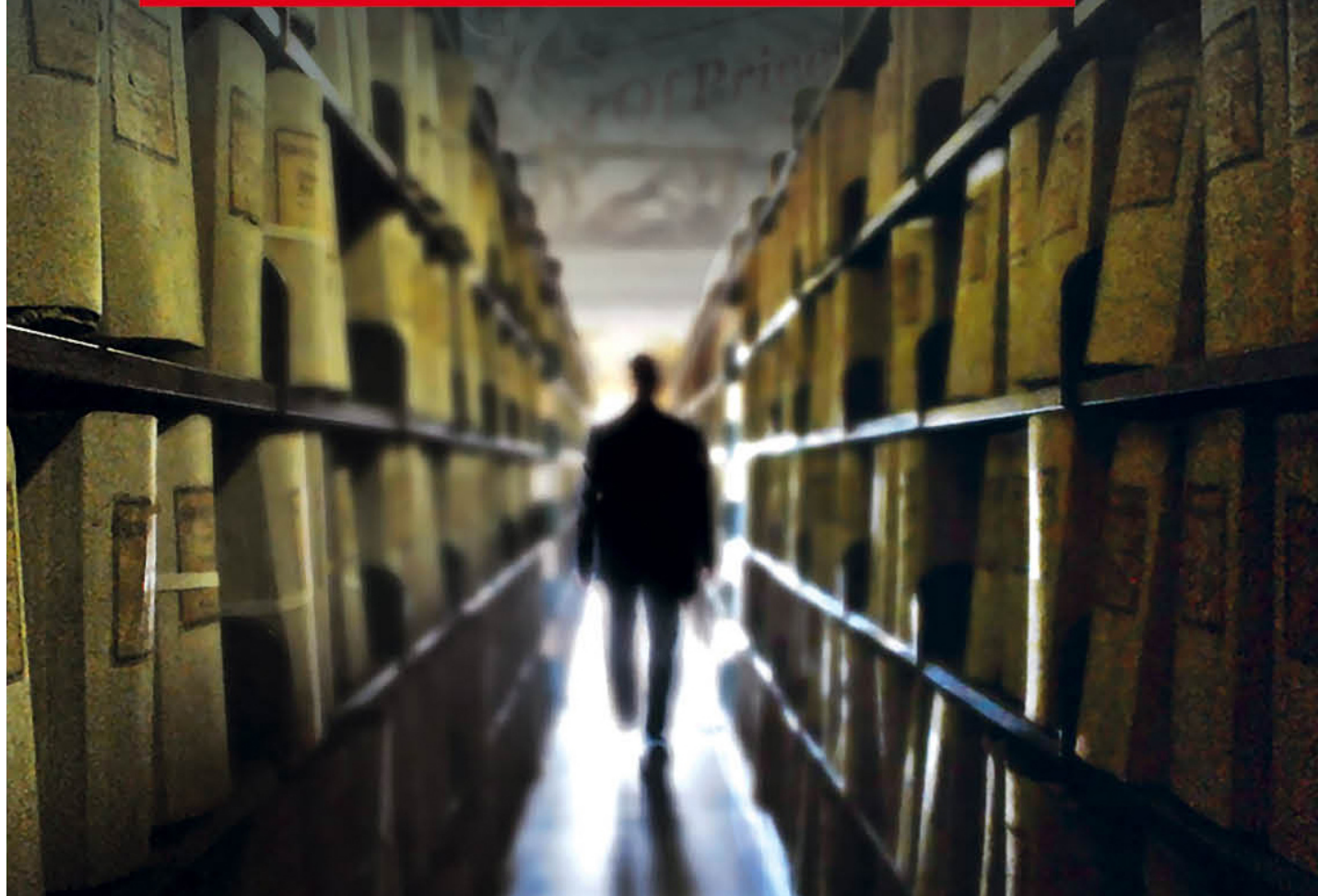

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

ВЛАДИМИР ВОРОНОВ

РАССЕКРЕЧЕНО

**ПРАВДА ОБ ОСТРЫХ
ЭПИЗОДАХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Владимир Воронов

**Рассекречено. Правда об острых
эпизодах советской эпохи**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

Воронов В. В.

Рассекречено. Правда об острых эпизодах советской эпохи /
В. В. Воронов — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-26-5

За десятилетия самые острые эпизоды советской эпохи обросли множеством мифов. Убийство советских дипкурьеров в феврале 1926 года, которые везли крупную партию фальшивых фунтов стерлингов. Попытка военного мятежа в августе 1934 года, подготовку к которому прозевали чекисты. «Операция Х» – участие советских спецслужб в Гражданской войне в Испании. Угрозы, подстерегавшие лидеров СССР, США и Великобритании во время их встречи в Тегеране в 1943 году... Автор не только разоблачает множество мифов, но и на основе архивных документов и свидетельств очевидцев и непосредственных участников рассказывает о том, что произошло в реальности.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-907028-26-5

© Воронов В. В., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Глава 1. Террористы Политбюро	7
Глава 2. Эпидемия случайностей: хлороформ для Фрунзе	17
Глава 3. Открытое купе дипкурьеров	22
Глава 4. Войков: допустимая потеря?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Владимирович Воронов

Рассекречено. Правда об острых эпизодах советской эпохи

© Воронов В.В., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

*** * ***

Богам не дано только одного: власти переделывать прошлое.
Аристотель

От автора

К сожалению, в отечественной исторической литературе до сих пор сохранилось немало устоявшихся стереотипов описания тех или иных событий советской эпохи, сделанные по пропагандистским шаблонам. Произвольное внедрение мифов в реальный контекст служило одним из инструментов манипулирования сознанием полуграмотных масс, работая, как выражались в Советской армии, на политморсос – поддержание политико-морального состояния личного состава. Прошли десятилетия, но эти мифы и вранье, застывшие, как дерьмо мамонта, по-прежнему разрушают реальную логику событий, не позволяя пробиться к правде, и зачастую уже невозможно становится понять, где имение, а где – наводнение. Этому немало способствует и гипертрофированная секретность, прямой результат которой – необоснованная закрытость колоссального массива архивных фондов и их недоступность широкому кругу исследователей.

Все это, в свою очередь, либо порождает новые мифы – например, про мифическую «личную разведку Сталина» и про то, что «все секреты Гитлера были на столе у Сталина», или, напротив, реанимирует откровенно заскорузлые фальшивки – вроде «заговора маршалов» или что «поляков в Катини убили немцы». Все эти мифы-клише пачками переходят из одной книги в другую, обрастая совершенно фантастическими деталями и подробностями, сообщенными неведь откуда вылезшими «очевидцами».

Но настоящие факты не заслуживают того, чтобы их подменяли мифами. Разве подвиги, скажем, огромной сети все еще безвестных разведчиков, – например, в Китае или Японии 1920–1940-х годов, – достойны того, чтобы вместо них нам из года в год подсовывали только одну и ту же засахаренную фигуру? Оттого на выходе и получается откровенная карикатура – миф: был только один разведчик, зато гениальный, всезнающий и всемогущий. Но когда начинается манипулирование фактами, датами, именами, разрушается связь времен. И, как результат, налицо тотальное недоверие молодежи к самым острым моментам отечественной истории, разрушение их доверия к любой трактовке нашей истории советского периода.

Твердо убежден, что нельзя мириться с засильем старых мифов, разрушающих логику событий, разрывающими все мыслимые причинно-следственные связи. Разумеется, автор вовсе не берет на себя смелость и даже наглость утверждать, что предлагаемое им является исчерпывающим. Но при этом в основу каждого текста положен тщательнейший, даже скрупулезный профессиональный (поскольку автор по образованию и профессии историк) анализ и обобщение максимально доступного в настоящее время круга источников информации. В основе всех материалов работа автора с документами в архивах и с опубликованными, со свидетелями, очевидцами и непосредственными участниками событий.

Благодарю историка А. В. Крушельницкого за огромную помощь в работе над рядом материалов.

Часть первая

Острые мероприятия

Глава 1. Террористы Политбюро

5 января 1925 года председатель ОГПУ СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Феликс Дзержинский получил экстренное сообщение из Харькова, тогдашней столицы советской Украины. Полпред ОГПУ по УССР, а по совместительству председатель ГПУ УССР и нарком внутренних дел Украины Всеволод Балицкий доложил председателю ОГПУ: на советско-польской границе в районе местечка Ямполь (ныне поселок в Хмельницкой области) части польской регулярной армии, разгромив управление 2-й комендатуры Ямпольского погранотряда, прорвались на территорию СССР. Хотя тогдашние советско-польские отношения и были, мягко говоря, далеко не дружественные, но случай был совершенно вопиющий: чтобы в открытую разнести целую заставу – это нечто! Шок и, что уж там говорить, испуг в Кремле был таков, что члены Политбюро даже было решили: вот оно, польская агрессия, о которой так долго говорили большевики, началась! А поскольку воевать с поляками Красная армия была тогда совершенно не готова, да и не способна, то через Наркомат иностранных дел СССР полякам незамедлительно вручили ноту, в которой указывалось, что «советская сторона готова к улаживанию инцидента мирным путем».

Ямпольский инцидент

Реакция «Железного Феликса» была практически мгновенна. Не вполне доверяя сводке Балицкого, он приказал своему заместителю, Генриху Ягоде: *«Надо с расследованием выехать на место. Надо выяснить до полной ясности мотивы и причины таких действий поляков. Вопрос очень серьезный»*. Детали, согласно официальному отчету, выглядели так: *«5 января 1925 года перешла границу группа польских солдат около 40 чел. пехоты и три всадника, которая, обстреляв наш сторожевой наряд, прорвалась в здание заставы и управление комендатуры, обстреляла их и забросала гранатами. Ворвавшись в канцелярию заставы, захватила дела и переписку. Пограничники, приняв меры к обороне, вынудили поляков отойти в прилегающий сад. Во время обороны был ранен в ногу начальник заставы Дикерман, пытавшийся установить на крыльце пулемет. При нападении поляков помощником начальника заставы Бахлиным был убит руководивший нападением капрал, что внесло расстройство в ряды поляков, и они, захватив убитого капрала, поспешно отошли на свою территорию...»*. Тут пограничников можно поздравить соврамши: нападавшие вовсе не «отошли», а успешно прорвались на советскую территорию. Проявив при этом поразительную боевую выучку – убитого товарища не бросили, под огнем вынесли его тело и забрали с собой, не оставив никаких улик! Правда, остается загадкой, как пограничники в горячке ночного боя сумели столь четко различить две капральские нашивки на погонах убитого, как непонятно и то, что столь немалым отрядом командовал не офицер, а самый младший унтер-офицерский чин.

На всей же остальной советско-польской границе не происходило ровным счетом ничего: польские войска границу не переходили, советские заставы не атаковали и даже не обстреливали. Польский МИД советскую ноту о готовности улаживания «инцидента мирным путем» встретил с нескрываемым изумлением: какой – такой инцидент?!

8 января 1925 года Политбюро собралось на экстренное заседание, создав для расследования «ямпольского инцидента» специальную «тройку». Каковая и выяснила нечто такое,

что 27 января 1925 года пришлось вновь созывать специальное заседание Политбюро. К тому времени Дзержинский отдал все тому же Генриху Ягоде и вовсе совершенно необычный приказ: *«Необходимо запросить погран[ичную] охрану в центре и на местах все, что им известно о бандах (наших) и о деятельности Разведупра, а также у съехавшихся на съезд начальников особ[ых] отделов. Вопрос архисрочный и архиважный»*. Про «наши банды» и Разведупр в тексте не случайно: к тому времени председатель ОГПУ уже доподлинно знал, что на заставу его пограничников (погранохрана входила в состав войск ОГПУ) напали не поляки, а... свои – переодетый в польскую военную форму диверсионно-террористический спецотряд военной разведки, Разведупра Штаба РККА! Именно этих боевиков Разведупра Дзержинский, не сдержав приступа холодной ярости, и поименовал «нашими бандами». Очень показательно его письмо шефу украинского ГПУ Балицкому, отправленное в тот же день:

«Дорогой товарищ Балицкий!

Безответственным действиям Разведупра, втягивающим нас в конфликты с соседними государствами, надо положить властно предел. Случай в Ямполе доказал, что на нашей территории существуют банды против поляков, как равно и при содействии с нашей стороны работают банды за кордоном. Прошу Вас прислать мне срочно весь имеющийся у Вас материал и по этому вопросу, а также собрать дополнительно:

1. Какие банды, их количество, местоположение, как с нашей стороны границы, так и по ту сторону. Их вооружение. Что они из себя представляют, идейность и дисциплинированность?

2. Кому они подведомственны и подчинены, какому учреждению и каким лицам в приграничной зоне, в Киеве, Харькове, Москве?

3. Каковая организация управления ими в центрах и на местах. Линия их подчинения?

4. Что представляет у Вас из себя Разведупр и его органы? Какие идеи? Характеристика лиц и оценка, кто им дает указания?

5. Какие их взаимоотношения с нами и с погранвойсками? Каким образом наша погранохрана их пропускает через границу?

6. Ваши предложения и Ваше отношение к бандам, к их деятельности, а также к Разведупру. Надо ли их ликвидировать и как это можно сделать? Можно ли и следует ли банды эвакуировать в глубь страны и куда? Не могут ли эти банды выступить против нас, кой-кого из них перебросить на сторону врага.

Прошу лично заняться этим делом. Копии с моего письма не снимать, а вернуть его мне с ответом и материалами, которые мне нужны для комиссии П/бюро, в которую я вхожу.

Привет,

Ф. Дзержинский

Р. С. Пришлите мне подробные данные о ямпольских бандах, о том, что фактически комиссия обнаружила».

В ходе своего расследования Феликс Эдмундович вообще узнал много интересного. Например, что военная разведка ведет эти операции мало того что у него под боком, так еще и с 1921 года – с момента заключения Рижского мирного договора. Причем заброска хорошо подготовленных диверсионно-террористических групп и отрядов – на территорию стран, с которыми у «страны Советов» формально были заключены мирные договоры и установлены как бы нормальные дипломатические отношения, – вовсе не была чьей-то самодеятельностью. Долгоиграющая спецоперация, скромно поименованная впоследствии «активной разведкой», была санкционирована на уровне Политбюро, всерьез полагавшего, что профессиональные красные диверсанты и террористы расшатывают польский тыл и так всколыхнут народные массы, что

Восточная Польша сама упадет в руки большевиков. А вот что об этой афере не знал персонально т. Дзержинский (или сделал вид, что не знал!) – так он вообще много чего не знал: старшие товарищи по Политбюро доверяли ему далеко не все.

«Активная разведка»

Командный состав для спецоперации подбирался предельно тщательно – из кадровых командиров Красной армии с боевым опытом, опытных же политруков и чекистов, окончивших, как правило, курсы комсостава. Костяк собственно диверсионных отрядов формировали и вооружали на территории Белоруссии, а после прохождения спецподготовки скрытно перебрасывали через специальные «окна» на границе в восточные воеводства Польши. Где они и развернули свою активность: нападали на полицейские посты и участки, убивали и отдельных полицейских, захватывали и грабили пассажирские поезда, пускали под откос грузовые составы, взрывали паровозы, уничтожали мосты, грабили и жгли польские помещичьи усадьбы, истребляли помещиков, чиновников, ксендзов, православных священников, мелких чиновников, гминных войтов (старост), вырезали польские хутора, уничтожали «предателей», совершали налеты на тюрьмы – для освобождения «боевых товарищей», на почтовые отделения и банки – для получения средств на «освободительную борьбу», разумеется. По возможности «повстанцы» устраивали в селах собрания, где пылко призывали белорусских крестьян выступить против польских «панов». Особую известность обрели такие командиры отрядов «активной разведки», как Кирилл Орловский, Станислав Ваупшасов (настоящая фамилия Ваупшас), Василий Корж и Александр Рабцевич. Примечательно, что хотя сама операция формально и шла по линии Разведупра, все товарищи впоследствии «случайно» оказались в кадрах чекистского ведомства, где и работали, так сказать, «по специальности» – диверсионно-террористической и «головорезной».

С апреля 1921 года по апрель 1924 года польские власти зафиксировали 259 переходов границы, совершенных отрядами боевиков Разведупра РККА. С апреля по ноябрь 1924 года эти отряды «активной разведки» провели в Восточной Польше свыше 80 крупномасштабных боевых операций по дестабилизации обстановки. Как полагали аналитики «Двуйки»¹, в Полесье, Налибокской, Беловежской и Гродненской пушах, а также на территории Виленщины в тот период действовало не менее пяти-шести тысяч советских боевиков «активной разведки». Причем операции «спецназа» Разведупра не прекратились после скандального инцидента в Ямполье и даже после того, как Политбюро приняло решение о ликвидации этой самой «активной разведки в настоящем ее виде». С марта по май 1925 года советские боевики провели в Западной Белоруссии 59 боевых операций, с июня по август того же года – еще 50 боевых операций, всего же с декабря 1924 года по август 1925 года советские диверсанты провели 199 боевых операций.

Довольно красочно в своей книге деяния «активной разведки» описал Ваупшасов: как его вызвали в ЦК Компартии Белоруссии – *«партии были нужны такие люди для развертывания борьбы на захваченных польскими панам западнобелорусских землях», «есть большая необходимость в том, чтобы подорвать тыл белополяков, развернуть партизанскую войну и в конце концов освободить от врага оккупированную им территорию. Партия вам доверяет и надеется, что и на этот раз вы отлично справитесь с заданием»*. Без малейшего стеснения Ваупшасов писал, как, переодевшись в полицейских или польских военных, его люди грабили и сжигали имения «панов», убивали – *«кто не мог ждать от нас пощады, так это шпионы и провокаторы»*, сжигали волостные правления, захватывали поезда и грабили их пассажиров, особое внимание уделяя почтовым вагонам: *«Бойцы Орловского оценили поезд,*

¹ Второй (разведывательный) отдел Генерального штаба Войска Польского.

а я со своими ребятами стал переходить из вагона в вагон. ...В почтовом вагоне мы изъяли содержимое денежного ящика и корреспонденцию». Польские источники свидетельствуют, что при нападении на поезд пассажиров заставляли снимать одежду, украшения, отдавать часы и деньги, а возмущавшихся приканчивали на месте. 4 августа 1924 года отряд Ваупшасова захватил тюрьму в городе Столбцы – чтобы освободить сидевших там двух членов ЦК Компартии Западной Белоруссии: «Жандармский пост был здесь невелик, и мы уничтожили его за несколько минут», «группа атаковала казарму, закидала окна гранатами, расстреливала выбегающих из винтовок и ручного пулемета», «на застекленной веранде казармы я увидел офицера... Выстрелил в него из маузера, а он не падает. Что за дьявол! Выручил меня Наркевич. „Да убил ты его, убил! Он же в кресле сидит, потому и не падает“», «мои ребята уже уничтожили тюремную охрану»... К слову, согласно Женевской конвенции, лица, использующие при ведении боевых действий военную форму противника, являются военными преступниками...

Свою главную задачу диверсанты и террористы «активной разведки» так и не выполнили: народного восстания в Западной Белоруссии и Западной Украине не вышло. После же того, как в августе 1924 года польское правительство решило создать Korpus Ochrony Pogranicza (Корпус охраны границы), активность советских диверсионных отрядов и вовсе сошла на нет: до конца того же года польские пограничники успешно отбили 89 нападений советских диверсантов, уничтожили 51 банду, задержав около пяти тысяч нарушителей границы.

Зачем, кстати, самим «спецназовцам» понадобилось атаковать советскую же заставу, неясно. Может, уходившие от преследования боевики в сумерках приняли советскую заставу за польскую? Или советские пограничники вообще первыми открыли огонь по рвущимся через границу неизвестным в польской форме?

Разборка по-кремлевски

Политбюро, собравшись 27 января 1925 года, вновь рассмотрело вопрос о нападении на Ямполь. Все было уже очевидно, и Политбюро постановило создать комиссию в составе секретаря ЦК РКП(б) Валериана Куйбышева, председателя ОГПУ Феликса Дзержинского, члена Реввоенсовета (РВС) СССР Иосифа Уншлихта, только что назначенного наркомом по военным и морским делам Михаила Фрунзе и наркома иностранных дел Георгия Чичерина. Задачу комиссии сформулировали четко: «Для рассмотрения и установления формы работы Разведупра за границей и целесообразности дальнейшего существования Разведупра в том виде, в каком он до сих пор вел свою работу». При этом, невзирая на очевидность того, что заставу атаковали «свои», Чичерину поручили сочинить ноту для поляков, где в нападении на советскую заставу и советскую территорию обвинялись бы части польской регулярной армии!

18 февраля Дзержинский представил комиссии Куйбышева свой проект постановления об «активной разведке», написанный в весьма резких выражениях. «Железный Феликс» был категоричен: «Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской республики) – ликвидировать». И чтоб отныне «ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство». Но раз уж сейчас все эти банды и отряды уже «существуют и целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке)», то вся их «работа» и «боевая» деятельность хотя бы «должны быть руководимы и находиться в полном подчинении у национальных партий, действующих в данной стране. Эти группы должны выступать, руководствуясь и от имени исключительно их революционной борьбы, а не СССР». И раз уж они теперь, так сказать, «революционные повстанцы», то они тогда «не должны ставить себе целью и заниматься разведывательными

и другими заданиями в пользу военведа СССР. Этими вопросами они занимаются для своих революционных целей».

Далее Феликс Эдмундович настаивал на том, что вся «зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы». При этом всех «надо эвакуировать, никоим образом, однако, не озлобляя их, но, наоборот, оказывая как им, так и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а свести в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал». Совсем от боевой работы Дзержинский отказываться не собирался, разве лишь «вместо настоящей активной разведки должны быть организованы самым конспиративным образом в Польше и других соседних странах комендантуры по образцу польской ПОВ. Эти организации активны только во время военных действий. В мирное же время изучают военные объекты, весь тыл противника, изучают людей, завязывают всюду связи и т. д., т. е. подготавливаются к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. С партией они никоим образом не связаны, работники их не состоят в партии. Во время революции они передаются в ее распоряжение». Посему уже в мирное время «на нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением», которые должны вступить в действие лишь «в случае занятия нашей территории противником». Главное требование Дзержинского – отныне подчинить все такие операции чекистам: «Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ». Что же касалось официальной публичной оценки собственно Ямпольского нападения, то тут ФЭД по-большевистски тверд: польским обвинениям «должен быть дан твердый отпор», поскольку «Польша не имеет никаких прямых (кроме догадок) улик против нас. Этого нельзя забывать». Не пойман – не вор?

Наказать же «за организацию известного дела и отдачу приказа без получения на то разрешения или указаний со стороны его прямого начальника» Дзержинский предложил лишь полпреда ОГПУ по Западному краю и председателя ГПУ БССР Филиппа Медведя. Наказание своему подчиненному председатель ОГПУ выбрал страшное: «Объявить строжайший выговор (ввиду смягчающих вину обстоятельств только такая мера взыскания)». Интересно, что же это за «смягчающие вину» обстоятельства вдруг обнаружились? И за что наказали, если это операция «соседей»? Значит, глава белорусского ГПУ был в курсе этой акции, обеспечив ее по своей линии? «Забыв» при этом поставить в известность своего прямого, непосредственного и высшего начальника – Дзержинского. Видимо, т. Медведю было хорошо ведомо, что операция проводится через голову «пламенного Феликса».

На заседании Политбюро 25 февраля 1925 года проект Дзержинского основательно смягчили, приняв постановление «О Разведупре», с грифом «совершенно секретно», разумеется. Первый же пункт гласил: «Активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и пр.) в первый период ее существования была необходимым дополнением наших военных мероприятий и выполняла возложенные на нее из центра боевые задачи». В переводе с партийного новояза этого означало: не было никакой самостоятельности – была нужная работа по приказу центра, читай: Политбюро. В постановлении утверждалось, что «с установлением более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами» от Разведупра якобы «неоднократно давались директивы о прекращении активных действий». Но, мол, тут-то и пошла полная самостоятельность, поскольку «приобретенные за предшествующий период традиции у организованных за рубежом групп, а также слабость руководства со стороны коммунистических партий стихийно нарастающим движением зарубежного крестьянства, из которого комплектовались кадры диверсионных групп активной разведки, не давали возможности организационно руководить этими группами, часто не соблюдавшими даваемые директивы. Отсюда целый ряд выступлений, причинявших вред нашей дипломати-

ческой работе и затруднявших работу соответствующих коммунистических партий». Особенно умиляет пассаж про «зарубежное крестьянство»: в этот разряд, видимо, записали таких матерых диверсантов, как Орловский, Ваупшасов, Корж и Рабцевич.

После этой преамбулы последовала собственно «амбула». Поскольку «*вести в нужное русло работу зарубежных партизанских групп*» одним лишь «*путем циркуляров*» уже невозможно (а иных средств оперативной связи еще не было), Политбюро постановило: «*активную разведку в ее настоящем виде <...> – ликвидировать*», и «*ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство*», а всю боевую и «*повстанческую*» работу передать в распоряжение компартий «*данной страны*». Причем все эти группы отныне должны «*решительно отказаться*» от разведывательной «*и иной работы в пользу Военведа СССР*». Прочие же группы «*активной разведки, а также военно-подрывные и диверсионные группы*», не вошедшие в «*круг партийной организации*», предписано было ликвидировать. «*Активную разведку в настоящем виде*» предлагается видоизменить, «*для чисто военных целей*» организовав «*в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты*», никоим образом не связанные с партией – «*для подготовки к деструктивной работе во время войны в тылу противника*». Расконспирированные на границе «*начальники и руководители бывшей активной разведки сменяются немедленно*», а «*на нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением*», которые, однако, должны были приступить к действию лишь «*в случае занятия нашей территории противником*». Политбюро согласилось с предложением Дзержинского, что «*пограничная зона на нашей стороне должна быть очищена от активных партизан, которые, как констатируется, самостоятельно переходят границы для боевой работы*». При этом Политбюро строго указало будущим «*очистителям*» (т. е. чекистам): «*Не озлобляя их и оставляя на учете для использования в случае войны, их следует эвакуировать во внутренние округа*». И уже для «*безболезненного проведения*» масштабных мероприятий по выводу с чужих территорий этих формирований «*активной разведки*», их расформированию, консервации, и, главное, «*для избежания недовольства, отрыва или вырождения отдельных групп или лиц*» Политбюро решило, что абсолютно «*необходимо ассигнование соответствующих сумм*». На будущее, как записано, необходимо «*установление и удовлетворение твердой сметы <...> в размерах, гарантирующих организованную и выдержанную работу всех сотрудников*». Все правильно: диверсии и террор – та же работа, так что энтузиазму, даже и революционному, здесь не место, даешь строгий оклад.

Все же главный «приз» достался ведомству Феликса Эдмундовича: приказано всю ответственность за состояние границ «*и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ*». Так что ни о каком отказе от «активной разведки» нет и речи, просто отныне это дело чекистов, а не военной разведки.

Последний раз, судя по известным на сегодня документам, интерес к этой теме Дзержинский проявил 3 июля 1925 года, отписав Ягоде: «*Прошу узнать и сообщить мне, как расценивают и реагируют на польское на нас (Ямполь) нападение Чичерин и Фрунзе, для внесения этого вопроса в Политбюро*». Расценивали и реагировали, видимо, «как надо»: больше этот вопрос на Политбюро не обсуждали. Но как изворотлив Феликс: даже в секретнейшем документе, предназначенном для глаз буквально одного совсем уж «своего» Ягоды он вдруг употребляет формулировку «*польское на нас (Ямполь) нападение*», хотя обстоятельства дела давно уже выяснены, да и соответствующее решение оформлено постановлением Политбюро.

Бессарабская история

Кстати, в постановлении имелся такой интересный пассаж: «*Изменение указанных методов работы, вызываемое особенностями обстановки (например, Бессарабия), может иметь*

место только по особому постановлению Политбюро». То есть документально зафиксировано, что именно Политбюро ЦК, только оно и больше никто, – главный организатор закордонных диверсий, определяющий, кому, где и как вести закордонную диверсионно-террористическую деятельность. Примечательно и упоминание Бессарабии, находившейся тогда в составе Румынии. Дело в том, что советские спецотряды вели точно такую же «активную разведку» и там. Забрасывались через Днестр с советской территории, уничтожали румынских пограничников, полицейских, военнослужащих, чиновников местной администрации, священников, «дворян и помещиков», «шпионов и провокаторов».

С учетом этой информации уже несколько иначе выглядит ныне практически забытое событие – так называемое Татарбунарское восстание 1924 года в Бессарабии. Известно, что руководители мятежа, вспыхнувшего 15 сентября 1924 года, никоим образом не бывшие уроженцами Бессарабии – все они за несколько месяцев до событий нелегально прибыли из Одессы. Тогда же с советской на румынскую территорию на лодках через Днестр стало перебрасываться и складироваться в тайниках вооружение, причем не только стрелковое, но даже и артиллерийское, боеприпасы, взрывчатка, амуниция. По крайней мере, документально известно о переброске не менее 1000 винтовок, 3000 гранат, семи пулеметов, 500 сабель и пашек, двух пушек и одного миномета. Согласно генеральному замыслу, переправленные в Бессарабию группы «активной разведки», опираясь на заранее сформированные отряды боевиков в 20–30 человек, должны были в час «Х» поднять «народное восстание» против румынских «бояр». План был комплексный: микроскопические, зато точечные «народные восстания» ужасно там «угнетенных масс» должны были вспыхивать по зонам и строго по графику; необходимо было захватить, пусть и даже временно, Кагул, Измаил, дунайский порт Килия, провозгласить там советскую власть, а затем выпустить обращение с просьбой оказать «интернациональную помощь» силами регулярных частей Красной армии. Которые совершенно случайно проваливались как раз по соседству.

Непосредственный оперативный центр руководства «восстанием» развернули в Одессе, оттуда же выдвинулись и ударные группы. Военную часть операции планировали, по всей видимости, в Штабе РККА, возглавлявшемся тогда Михаилом Фрунзе. Задачу непосредственной военной поддержки возложили на дислоцированный в Тирасполе 2-й кавалерийский корпус Григория Котовского: он и должен был лихим наскоком ворваться в Бессарабию.

15 сентября 1924 года повстанцы, перерезав телефонные и телеграфные провода, атаковали полицейские участки и стали создавать ревкомы, формировать отряды милиции, ополчения, Красной гвардии... Ни одного города товарищам из «активной разведки» взять так и не удалось, посему советскую власть провозгласили лишь в селе Татарбунары. Боевики, убив мэра и жандармов, блокировали село, вывесили на домах красные флаги, согнали жителей в местную ратушу и объявили о создании Молдавской Советской Республики в составе Украинской ССР. Также сообщили, что Красная армия уже форсировала Днестр и изгнала румынскую армию. Но пока ополченцы с энтузиазмом создавали многочисленные ревкомы и делили высокие государственные посты в одном отдельно взятом селе, время ушло. Молдавское население товарищей не поддержало, зато Бухарест медлить не стал: румынские войска через четыре дня взяли столицу «МСР», Татарбунары. На чем все и завершилось. Товарищи из «активной разведки» успели смыться, а вот 1600 ополченцам не повезло – их арестовали, 489 из них отдали под суд. Собственно, тогда и всплыли подробности того, как по линии «активной разведки» Москва делала «революцию» в Бессарабии и как на плечах повстанцев должна была ворваться конница Котовского.

Но ни крах в Бессарабии, ни «ямпольский инцидент» крест на операциях «активной разведки» окончательно не поставили. По крайней мере, 16 июня 1927 года председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам Клим Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с очередным интересным предложением: вспомнив опыт ГПУ и Разведупра РККА

первой половины 1920-х годов – по организации «активной разведки» на территории Польши – и срочно развернуть советские диверсионные группы в... Ирландии! Политбюро, рассмотрев через неделю «Вопросы т. Ворошилова», постановило:

«а) Предложение т. Ворошилова об И. принять при соблюдении максимальной осторожности, с тем, чтобы через месяц т. Ворошилов доложил о конкретных условиях связи.

б) По вопросу о подготовительных мероприятиях по д[иверсионной] ч[асти] признать необходимым приступить к подготовке, поручив комиссии в составе тт. Косиора (пред.), Пятницкого, Ягоды и Берзина в двухнедельный срок наметить план, методы и необходимые средства для работы на ближайший период».

С чего бы это вдруг Ворошилов предложил развернуть диверсионные формирования именно в Ирландии, догадаться не так уж и сложно. 23 февраля 1927 года министр иностранных дел Великобритании Джозеф Остин Чемберлен обратился к советскому правительству с нотой, требуя прекратить антибританскую пропаганду и подрывную деятельность против Британской империи, а в мае того же года британское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. В Кремле тогда всерьез полагали, что дело идет к организации большого военного похода против СССР во главе с Британией, противопоставить которому было нечего – Красная армия и тогда была фактически небоеспособна. Отсюда и ворошиловская идея: попытаться дотянуться до «проклятой англичанки» хотя бы руками диверсантов – через Ирландию. Но и эта авантюра завершилась ничем, поскольку абсолютно никаких оперативных возможностей для развертывания «активной разведки» в Ирландии у Советского Союза тогда и в помине не было. Зато они имелись на Дальнем Востоке...

Маньчжурский вариант

7 октября 1929 года Иосиф Сталин, пребывавший, как обычно, на многомесячном отдыхе в Сочи, отправил в Москву замещавшему его Вячеславу Молотову весьма любопытное послание: *«С Китаем будет возня. Кстати, мне кажется, что пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения отдельных эпизодического характера заданий – дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее. Нам надо организовать две двухполковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т. д.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, присоединить к себе надежных солдат из этих войск (остальных распустить по домам, обезглавив предварительно ком[андный] состав), развернуться в дивизии, занять Харбин и, набравшись сил, объявить Чансуеляна² низложенным, установить революционную власть (погромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т. п.). Это необходимо. Это мы можем и, по-моему, должны сделать. Никаким „международным правам“ не противоречит это дело. Всем будет понятно, что мы против войны с Китаем, наши красноармейцы охраняют лишь наши границы и не имеют намерения перейти на кит[айскую] территорию, а если внутри Маньчжурии имеется восстание, то это вполне понятная штука в обстановке того режима, который установил Чансуелян. Подумай об этом. Дело важное».*

Послание столь цинично-красноречиво, что особой расшифровки не требует. Однако немного предыстории. На тот момент камнем преткновения между Москвой и Чжан Сюэляном стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Сам же конфликт разгорелся еще в бытность правителем Маньчжурии его отца, генералиссимуса Чжан Цолиня: для последнего КВЖД была стратегической магистралью, но платить за переброску по ней своих войск он

² Чжан Сюэлян, сын генералиссимуса Чжан Цолиня, правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг.

не желал, да и не мог. Москва попыталась было разрешить этот вопрос по-сталински кардинально: нет человека – нет проблем. 4 июня 1928 года вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван близ Мукдена миной, заложенной в виадук, и спустя несколько часов тяжело раненный генералиссимус скончался в Мукденском госпитале. В покушении немедленно обвинили японцев, однако ныне известно, что его организовали резидент Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ в Харбине Наум Эйтингон и тамошний же резидент Разведупра (IV Управления) Штаба РККА Христофор Салнынь. Но и это проблему не решило, поскольку Чжан Сюэлян, сын убитого Чжан Цзолия, тоже не пожелал прислушиваться к «веским» аргументам Кремля. Отсюда и вариант организации «повстанческого движения», предложенный поначалу Сталиным. Правда, в конечном счете решили открыто и без затей применить военную силу: специально под это дело создали Особую Дальневосточную армию (ОДВА), которая в октябре – ноябре 1929 года и нанесла удар по китайским войскам.

...Впрочем, на активности красных диверсантов это сказалось мало, свои операции на китайской территории они все равно продолжили – пока они не попались с поличным. 7 июля 1932 года советник посольства Японии в Москве передал в Наркомат иностранных дел СССР ноту своего правительства, в которой говорилось: некий кореец Ли, арестованный японскими властями, дал показания, что он вместе с тремя другими корейцами был завербован ОГПУ, снабжен взрывчаткой и переброшен в Маньчжурию с заданием взорвать ряд мостов. Как самокритично доложил Москве руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дерибас, организованная им операция провалилась, *«шуму наде- лали, а мост не взорвали»*. Мало того, так ведь еще и агентов-взрывников поймали, которые во всем и признались.

Сталин, опять-таки отдыхавший тогда «на югах» и извещенный о скандальном фиаско чекистов еще до официального получения японской «рекламации», 2 июля 1932 года направил записку замещавшему его в Москве члену Политбюро и секретарю ЦК ВКП(б) Лазарю Кагановичу: *«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти? Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие! Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников. Привет! И. Сталин»*.

В тот же день Каганович ответил вождю, что ситуацию с корейцами-диверсантами он выяснил и, *«к сожалению, Ваше предположение оправдалось – это ОГПУ (остатки старого). В случае запроса Хироты³ (у него есть указание) Карахану⁴ нами даны указания»*. Попутно Каганович доложил Сталину, что *«на днях на наш пограничный пост явился якобы представи- тель Китайской Народной армии с письмом к Блюхеру⁵, за оружием и т. д. Мы дали директиву немедленно отправить его обратно и впредь не допускать перехода подобных представ[ите- лей], либо подосланных провокаторов, либо объективно играющих провокационную роль, без- различно»*.

Информативная ремарка: значит, подобные походы в «военторг» к Блюхеру были делом вполне обычным и регулярным. Но из-за провала пришлось сделать конспиративную паузу,

³ Хирота Коки, посол Японии в СССР в 1928–1932 гг.

⁴ Лев Карахан, заместитель наркома иностранных дел.

⁵ Василий Блюхер, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

закрыв «военторг» на учет. 16 июля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев *«Вопрос ДВК»*, постановило: *«Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены»*, посему *«указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей»*. Непосредственно же *«отвечающему за плохую организацию дела»*, начальнику Владивостокского оперативного сектора ГПУ Николаю Загвоздину, был объявлен строгий выговор, также было приказано *«предрешисть отзыв т. Загвоздина из Владивостока»* и *«поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор»*.

Разумеется, любую причастность советской госбезопасности к террористическим акциям приказали отрицать, посему Карахан, пригласив 26 июля 1932 года к себе японского посла, заявил ему: *«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом. Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам»*. После чего выразил надежду, *«что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого провокационного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией»...*

Глава 2. Эпидемия случайностей: хлороформ для Фрунзе

Ранним утром – в 5 часов 30 минут – 31 октября 1925 года в Боткинскую больницу вдруг спешно примчался Сталин. Его сопровождала целая свора соратников: председатель СНК СССР Алексей Рыков, член РВС СССР и начальник Политуправления РККА Андрей Бубнов, заместитель председателя РВС и заместитель наркома по военным и морским делам СССР Иосиф Уншлихт, секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе, 1-й секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Анастас Микоян. Повод для визита в больницу у товарищей был весьма серьезный: за 10 минут до их прибытия там скончался Михаил Фрунзе – кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель РВС СССР, народный комиссар по военным и морским делам.

Официальная версия гласила: у Фрунзе был язвенный процесс двенадцатиперстной кишки, без хирургии никак было не обойтись. Операция, начавшаяся 29 октября 1925 года в 12 часов 40 минут, продолжалась лишь 35 минут. Все остальное время кремлевские медики пытались реанимировать находившегося без сознания наркома, но тщетно: не приходя в сознание, вождь Красной армии скончался, как говорилось в официальном сообщении, «при явлениях паралича сердца».

Как писал 3 ноября 1925 года в «Правде» Михаил Кольцов, «можем ли мы упрекнуть бедное сердце за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа после того, как оно выдержало два года смертничества, веревку палача на шее, владимирскую каторгу, верхоленскую ссылку, три года гражданской войны?».

3 ноября 1925 года товарища проводили в последний путь, а другой товарищ, Сталин, произнес над гробом краткую и не особо проникновенную речь. Попутно и как бы мимоходом заметив: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу». Тогда на эту реплику внимания не обратили. Как и на другую: «Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей...».

Негорбящийся человек

Дальше все пошло своим чередом, и про усопшего постарались забыть. Пока в мае 1926 года про него не напомнил писатель Борис Пильняк, опубликовавший в журнале «Новый мир» свою «Повесть непогашенной луны». Жил-был, писал Пильняк, геройский командарм Гаврилов, «который командовал победами, смертью». И вот этого командарма, «который имел право и волю посылать людей убивать себе подобных и умирать», взял да и послал умирать на операционном столе «негорбящийся человек в доме номер первый» – «из той тройки, которая вершила». Черкая между делом секретные сводки Наркоминдела и ОГПУ, «негорбящийся человек» жестко выговорил легендарному командарму про жернова революции и приказал: «Сделать операцию», ибо «этого требует революция». Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: командарм Гаврилов – это Фрунзе, «тройка» – правивший тогда триумvirат в составе Каменева, Зиновьева и Сталина, а «негорбящийся человек», отправивший героя на заклинание, разумеется, Сталин.

Это был скандал! Чекисты тут же изъяли остаток тиража, но автора крамольной версии, правда, до поры не тронули. Горький тогда с завистью опытного доносчика ядовито заметил: «Пильняку прощается рассказ о смерти т. Фрунзе – рассказ, утверждающий, что операция была не нужна и сделали ее по настоянию ЦК». Тут «буревестник» слегка погорячился: «негорбящийся человек» никогда, никому и ничего никогда не прощал. 28 октября 1937 года, почти в 12-ю годовщину оперирования «командарма Гаврилова», пришли и за автором «Повести непо-

гашенной луны». Еще спустя полгода Пильняка расстреляли – как японского шпиона, разумеется. Эта смерть тоже добавила свой пазл в мозаичную картину «Как Сталин Фрунзе убивал».

Собственно медицинско-политическая картина смерти Фрунзе блестяще исследована историком кремлевских смертей Виктором Тополянским, детально описавшим и сомнительную необходимость собственно операции, и как Сталин буквально вынудил Фрунзе лечь под нож, и как медики «перестарались» с анестезией, в ходе которой сердце наркома не выдержало явно избыточного количества хлороформа. «Однако какие письменные доказательства следовало бы искать в данной ситуации? – риторически спросил исследователь. – Личный отчет врачей в инстанции: согласно Вашему указанию операция закончилась смертельным исходом? Или... инструкцию: повелеваем, чтобы оперируемый не проснулся после наркоза? Надо признать, что такие улики вожди обычно не оставляли, а в данной ситуации было лишь устное распоряжение: оперировать, дабы восстановить „казенное имущество“ в лице наркомвоенмора. И каждому исполнителю этого приказа, как солдату перед боем, разъясняли его конкретную воинскую задачу». Согласимся с безусловной аксиомой: вообще никакие вожди и ни в какие времена улики такого рода не оставляли и не оставляют. Иначе они не были бы вождями, а их свита – свитой.

«Тройка, которая вершила»

Спустя девять десятилетий вне контекста событий тех лет трудно понять, зачем тов. Сталину понадобилось устранять тов. Фрунзе – именно тогда и столь усложненно-иезуитски? Проще ответить на последний вопрос: иначе и нельзя было, поскольку возможности Сталина образца 1925 году были много жиже, чем десять лет спустя. До всемогущего «вождя народов» еще предстояло постепенно дорасти, вырвав власть из рук товарищей по той самой «тройке, которая вершила». И в этом поступательном движении «негорбящегося человека» к вершине полновластья ликвидация Фрунзе стала лишь одним из многих шагов. Но архиважным: он ведь не просто устранил смертельного оппонента, но и немедленно поставил на его место своего человека – Клина Ворошилова. Тем самым обретя мощнейший рычаг в борьбе за власть – контроль над Красной армией. А вот у его оппонентов после смерти Фрунзе уже ни сабель и ни штыков за спиной больше не было.

Пока за кресло наркома по военным и морским делам (и председателя РВС) держался Лев Троцкий, позиции противостоящих ему Каменева, Зиновьева и Сталина были так себе. В январе 1925 года ценой невероятных усилий Троцкого «ушли». «Наконец, в начале марта – писал экс-помощник Сталина Борис Бажанов, – еще один пленум наносит новый удар по Троцкому: его заместитель Складанский, которого Сталин ненавидит, снят. Утвержден новый состав Реввоенсовета... В Реввоенсовет волной вошли враги Троцкого». Но ключевым, конечно, был вопрос, кто теперь станет во главе Красной армии: у Сталина имелись свои креатуры, у его подельников по триумvirату – свои. И фигура Фрунзе, по утверждению Бажанова, стала компромиссной: «Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длительных предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого, то есть Наркомвоенном и председателем Реввоенсовета. Ворошилова решено было сделать его заместителем».

Кадровая политика Фрунзе восторга у Сталина точно не вызывала. Для начала в рамках военной реформы Фрунзе провел упразднение института политических комиссаров, заменив их помощниками командиров по политчасти, не имевшими права вмешиваться в командные решения. Попутно Фрунзе заменил ряд военачальников – командующих войсками ряда военных округов, командиров корпусов, дивизий, подобрав кадры, как подметил Бажанов, «по принципу их военной квалификации, а не по коммунистической преданности». Еще один сталинский помощник, Мехлис, комментируя новые назначения в Красной армии, обмолвился

Бажанову о мнении «хозяина»: «Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти Тухачевские, Корки, Уборевичи, Авксентьевские – какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера (дата переворота Наполеона Бонапарта. – *Авт.*), а не для Красной армии».

У Сталина был и другие основания для, мягко скажем, настороженного отношения к Фрунзе. Советские биографы полководца старательно умалчивали, что Фрунзе был включен в антисталинскую интригу задолго до назначения наркомом: еще в конце июля 1923 года он принял участие в так называемом «пещерном совещании» в Кисловодске – конфиденциальных встречах Зиновьева с рядом видных партийных деятелей, недовольных чрезмерным сосредоточением власти у Сталина. Среди приглашенных в «пещеры» оказались и Фрунзе с Ворошиловым. Ворошилов, делавший вид, что колеблется, сразу же обстоятельно донес Сталину все подробности «заговора». А вот Фрунзе не только не поспешил со своим рапортом-доносом, но даже, как писал Каменеву Зиновьев, согласился с тем, что «нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»! «Пещерное совещание» Сталин однозначно расценил как прямое посягательство на его власть. К слову, и из его участников не выжил никто – кроме... Ворошилова.

Зиновьев действительно способствовал назначению Фрунзе, фактически продавив его кандидатуру, но тот вовсе не был его пешкой: двинув Фрунзе, Зиновьев лишь пытался заслужить им от Сталина. И это была фигура равновеликая: заслуги Сталина не шли ни в какое сравнение с блистательными (по партийным меркам) дореволюционными заслугами Фрунзе и заслугами времен гражданской войны. Не говоря уже о весьма высоком рейтинге Фрунзе за рубежом после успешного участия в ряде дипломатических акций.

Не стоит забывать еще и то, что огромная масса красноармейцев, бывших и действующих, включая даже военспецов – бывших офицеров и генералов старой армии, восторженно относились к Фрунзе как к своему вождю времен гражданской войны. Поскольку единственной альтернативой партийному аппарату мог быть лишь аппарат военный, то для Сталина предельно остро стал вопрос уже физического выживания: либо он, либо Фрунзе. Как осторожно заметил в своих мемуарах Анастас Микоян, Сталин, готовясь к большим потрясениям в ходе своей борьбы за власть, «хотел иметь Красную армию под надежным командованием верного ему человека, а не такого независимого и авторитетного политического деятеля, каким был Фрунзе».

При этом, весьма нелестно выражаясь о Фрунзе в кулуарах, внешне Сталин вел себя по отношению к нему очень дружелюбно, никогда публично не критикуя его предложений. «Загадка, – пояснял Бажанов, – разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся обострение язвы желудка (от которой страдал еще с дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу о его здоровье... Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию...». Сталин, блистательно переиграв Фрунзе на поле чуждой тому аппаратно-бюрократической игры, инициировал решение ЦК, вынудив наркома лечь под нож. Тот же Микоян, заметив, что «Сталин разыграл с нами спектакль „в своем духе“», как бы мимоходом заметил, что врачей он мог прямо и не вовлекать, ведь «достаточно было ГПУ „обработать“ анестезиолога». Что уж тут неясного, если даже осторожнейший Микоян такое написал, а уж многоопытный Анастас Иванович, коего одно время даже прочили в руководители НКВД, хорошо знал, что такое «обработать»! И, как справедливо впоследствии заметил Лев Троцкий, «во всяком случае, в конце 1925 года власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей и хлороформ, и нож хирурга».

Бюро Гриши

Что дело нечисто, Бажанов понял, «когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные подозрения оказались вполне правильными. Во время операции была хитроумно применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не вынес».

Григория Каннера в сталинском окружении именовали «помощником по темным делам». Внешне «у Гриши Каннера функции неопределенно бытовые, – вспоминал Борис Бажанов. – Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК... Но это – лишь надводная часть его работы. О подводной же можно только догадываться». Сначала были догадки, потом появились факты. В частности, именно Каннер организовал для Сталина возможность прослушивания телефонов тогдашних кремлевских небожителей, прежде всего Троцкого, Зиновьева, Каменева, получив возможность всегда быть в курсе всего, что они затевают. А специалиста по телефонии – чехословацкого коммуниста, установившего эту систему, – по приказу Сталина расстреляли.

«Контора Гриши» занималась не только телефонами, но делами куда более деликатными. Был такой товарищ, Эфраим Склянский: зампреда РВС, считался правой рукой Троцкого, реально держал все реальные нити управления военным аппаратом с марта 1918 года. Потому, убирая Троцкого, «тройка» прежде всего выдернула из-под него эту опору: в марте 1924 года Склянского убрали из РВС. Весной 1925 года Сталин, ненавидевший Склянского еще со времен гражданской войны, к удивлению многих предложил назначить его председателем «Амторга» и послать в Америку. «Амторг» – ведомство весьма пикантное, на тот момент совмещавшее функции полпреда, торгпреда и, главное, резидентуры, сразу и военной разведки, и нелегального аппарата Коминтерна, и, слегка попутно, еще и ОГПУ. Для Склянского это была ссылка, пусть и почетная. Но толком поработать в Штатах на ниве военнотехнического шпионажа он не успел. 27 августа 1925 года Склянский вместе с Хургиным (создатель «Амторга», возглавлявший его до Склянского) и неизвестным товарищем, предположительно из резидентуры ОГПУ, поехали кататься на каике по озеру Лонглейк (штат Нью-Йорк). Лодку потом обнаружили перевернутой, позже нашли два тела – Склянского и Хургина. Уехали втроем, а трупы – два... Работники секретариата Сталина сразу поняли, кто был истинным автором этого «несчастливого случая»: «Мы с Мехлисом, – вспоминал Бажанов, – немедленно отправились к Каннеру и в один голос заявили: „Гриша, это ты утопил Склянского?!“ ...На что Каннер ответил: „Ну, есть вещи, которые лучше не знать и секретарю Политбюро“. ...Мы с Мехлисом были твердо уверены, что Склянский утоплен по приказу Сталина и что „несчастный случай“ был организован Каннером и Ягодой».

«Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей»

По некоей «случайности» год 1925-й выдался на смерти особо богатым: высокопоставленные товарищи вдруг стали пачками умирать от непонятных болезней, выпадать из машин и попадать под них, а то и вовсе под паровозы, тонуть, разбиваться и сгорать в самолетах. Так, 19 марта 1925 года приступ стенокардии случился с Наримановым, одним из сопредседателей ЦИК СССР. И, хотя всего лишь в двух шагах была Кремлевская больница, его каким-то кружным путем на извозчике повезли домой – и возили, пока не привезли труп. Калинин по этому поводу меланхолично заметил: «Мы привыкли жертвовать товарищами». 22 марта для встречи с Троцким из Тифлиса в Сухум на самолете «Юнкерс» вылетела группа высокопоставленных товарищей: первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Мясников, пол-

пред ОГПУ в Закавказье Могилевский и заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции Закавказья Атарбеков. Кстати, Могилевский и Атарбеков были в неплохих отношениях с Фрунзе. После взлета в пассажирском салоне самолета вдруг что-то вспыхнуло, «Юнкерс» рухнул и взорвался. Сам же Фрунзе, как оказывается, в июле 1925 года дважды попадал в автокатастрофы, выжив лишь чудом. 6 августа 1925 года меткую пулю в аорту получил командир 2-го кавалерийского корпуса Григорий Котовский, которому незадолго до того Фрунзе предложил должность своего зама. Потом была лодка Склянского и Хургина, а 28 августа 1925 под колесами паровоза погиб старый товарищ Фрунзе – председатель правления Авиатреста⁶ В. Н. Павлов. «Вечерняя Москва», публикуя 31 августа 1925 года некролог Павлова, даже ехидно спросила: «Не слишком ли много для нашей старой гвардии случайностей? Какая-то эпидемия случайностей». В начале сентября Фрунзе вновь попал в «автоисторию»: на полном ходу дверца его машины вдруг открылась и он выпал, но снова чудом уцелел. В начале же октября, когда Фрунзе ездил отдыхать в Крым, то на пути из Мухоматки в Симферополь порученец наркома, Карпович, передавая ружье Фрунзе, «нечаянно» нанес себе смертельное ранение в грудь. Черда «случайностей» на этом не оборвалась: 23 октября 1925 года в странной автокатастрофе погиб начальник Мосгубмилиции Фриц Цируль.

В общем-то, ничего из ряда вон выходящего не происходило, просто в рамках битвы кремлевских гигантов за власть шла прагматичная ликвидация явных и потенциальных сторонников, в данном случае, Фрунзе. А ушедших тут же сменяли уже кадры из сталинской обоймы. «Почему Сталин организовал убийство Фрунзе? – недоумевал Бажанов. – Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком – Ворошиловым? ... Ведь через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену». Но ведь именно устранение Фрунзе и дало Сталину возможность захвата контроля над аппаратом Красной армии, став очередной ступенькой на пути к власти. Позже могло быть и поздно... Не убрав Фрунзе, Сталин не смог бы взять эту самую власть.

⁶ Авиатрест создан в январе 1925 года для производства боевых самолетов, его руководитель утверждался РВС СССР.

Глава 3. Открытое купе дипкурьеров

Ранним утром 5 февраля 1926 года в поезде № 5 «Москва-Рига» на перегоне между станциями Икшкиле и Саласпилс, что в 22–25 километрах от Риги, было совершенно вооруженное нападение на двух советских дипкурьеров. В перестрелке погиб старший курьер, латыш Теодор Нетте, получивший три пули в грудь и еще по одной в каждую руку. Его помощник, эстонец Иоганн Махмасталь, выжил, получив пулю в живот и две в правую руку. Дипкурьеры направлялись в Ригу, откуда, сдав часть груза, должны были направиться в Таллин, а уже из Таллина – в Берлин...

Братья-разбойники

Реальных описаний случившегося очень мало: показания выжившего дипкурьера, Махмасталя, которые цитировались в политиздатовском пропагандистском опусе «Долг и отвага», да еще рапорты политического управления латышской полиции, которые уже в современной Латвии изучили рижские историки Герман Гусев и Олег Пухляк. Итак, полицейские (а в Риге и советские дипломаты), вошедшие в поезд, обнаружили на полу купе скорченное тело Нетте, который был лишь в нижнем белье. Рядом второй курьер – окровавленный, никого не подпускавший к багажу с диппочтой, в левой руке сжимавший пистолет. Впрочем, патроны в нем, как оказалось, он уже все расстрелял. В купе проводников нашли и двух нападавших: оба сидели, прислонившись друг к другу, мертвые: у одного зафиксировали легкое ранение в щеку и второе – в висок, смертельное, другой имел тяжелое ранение в правое бедро и смертельное – тоже в висок. Оба гладко выбриты, в хороших костюмах, на каждом до зеркального блеска начищенные ботинки. В карманах литовские монеты и блокнот со схемой расположения станций Скривери, Рембате, Саласпилс. Возле железнодорожного полотна позже нашли литовские паспорта, по которым выяснили, что нападавшие – родные братья Антон и Бронислав Габриловичи. Первому 24 года, второму 19 лет, поляки, уроженцы Шавельского уезда Ковенской губернии Российской империи (в описываемое время это Шауляйский округ Литовской Республики). Как установила полиция, братья снимали жилье в рижском районе Торнякалнс. Оба якобы были известны литовской полиции как мелкие контрабандисты и спекулянты, но никаких дел с применением оружия, не говоря уже про убийства, за ними не числилось. Согласно базе данных историка Сергея Волкова, во время гражданской войны в России Антон и Бронислав Габриловичи участвовали в Белом движении, но были ли они связаны с белоэмигрантскими организациями и какими конкретно, так и не выяснено. Как не установлено, было ли это нападение актом террора, попыткой захвата дипломатического багажа или «всего лишь» вооруженным налетом с целью грабежа. Действовали братья одни или в составе группы, по своему почину или являлись чьими-то пешками-исполнителями, – все это тоже осталось неизвестным. Нет ясности даже в том, из какого именно оружия стреляли Габриловичи: все источники, как латышские, так и советские, отчего-то скромно умалчивают о такой «мелочи»!

Пароход и человек

Но таким же туманом таинственности и недосказанности покрыто все, что связано с «красными дипкурьерами». Конечно же, обоих тут же наградили орденами Красного Знамени (Нетте – посмертно), о них написали газеты, их именами называли пароходы, а Маяковский сочинил свое знаменитое стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Позже сняли и фильмы, а 5 февраля с тех пор отмечается у нас как день памяти дипкурьеров, погиб-

ших при исполнении служебных обязанностей. При этом собственно о дипкурьерах известно не слишком много. Теодор Нетте родился в 1896 году в семье рижского сапожника. Его официальная биография уверяет, что он уже с пеленок состоял в партии большевиков, подвергаясь полицейским преследованиям, а за революционную пропаганду вместе с отцом якобы даже попал в питерские «Кресты», откуда после Февральской революции «рабочие и солдаты освободили их и сотни других революционеров». Действительно, в 1915 году его вместе с отцом арестовали, но, судя по источникам, вовсе не за революционную деятельность, а за «саботаж при исполнении государственного заказа по изготовлению одежды и обуви для армии»: будущий дипкурьер трудился в мастерской отца, которая поставила армии партию сапог с подошвой из... бумаги. Да и сидел он вовсе не до революции, а лишь до апреля 1916 года, когда был оправдан по суду, а вот его отцу «впаяли» три года за саботаж. В 1918 году Теодор Нетте всплыл сначала в Наркомате внутренних дел Советской России, затем был комиссаром батальона в полку латышских стрелков, позже служил в Елгаве членом революционного трибунала. Чем тогда занимались ревтрибуналы, разъяснять, полагаю, не стоит: ничем, кроме вынесения расстрельных приговоров, которые нередко приводили в исполнение сами же ревтрибуналы. А в другом латышском городке, Виляны, Нетте служил уже секретарем политотдела – так имелся аналог ВЧК в Советской Латвии, просуществовавшей на клочке латвийской земли около года. Советские биографы Нетте с пафосом писали, как он «судил тех, кто стрелял в красноармейцев с чердаков и крыш, кто в голодные дни копил золото, спекулировал хлебом и солью, кто предавал и продавал советскую власть. Нетте без жалости судил всякую сволочь, бандитов и шпионов». Затем Нетте перевели в Наркомат иностранных дел – дипломатическим курьером. О его напарнике известно еще меньше: Иоганн (Иоханнес) Махмасталь, эстонец, 1891 года рождения, уроженец города Нарва, во время гражданской войны служил в Эстонской коммунистической бригаде и ВЧК, потом получил назначение в Наркоминдел.

Маузер без патронов

Вот его показания и вызывают массу вопросов. Хотя бы потому, что он их все время менял, увеличивая количество нападавших: первоначально их у него двое, затем стало трое, потом уже четверо. Правда, убитые братья Габриловичи под его описание не очень и попадали. Понятно, что в лихорадке перестрелки было не до разглядывания примет, но еще вопрос, видел ли выживший курьер нападавших вообще? Хватает и других несуразиц. Например, выясняется, что двери купе дипкурьеров «были обычно открыты», причем постоянно и даже когда кто-то из них покидал купе, что точно не соответствовало служебным инструкциям! Более того, старший дипкурьер, Нетте, в момент нападения спал раздетый на верхней полке. Понятно, что курьеры несут охрану по очереди, но ведь до пункта назначения оставалось уже не более 20–30 минут – разве не пристало старшему дипкурьеру уже одеться и быть во всеоружии?

...Со слов Махмасталя выходит, что еще в четыре утра он якобы услышал на крыше вагона шаги двух человек. (Пробиравшихся по обледелой крыше на полном ходу поезда?!) Эти слова Махмасталя никто так и не подтвердил: ни проводники, ни пассажиры, да и никаких следов на крыше не обнаружили. Тем не менее курьер «насторожился»: поднялся, вышел в коридор и «около 10–15 минут, или даже больше, стоял в коридоре напротив нашего купе». При этом начальника-напарника он так и не разбудил, не предупредил о возможной опасности и – внимание! – даже оружия не взял с собой: просто стоял и смотрел. Потом якобы увидел нервно ходившего взад-вперед по коридору какого-то мужчину в темном пальто и черной шляпе. Снова насторожился, но как-то опять по-особенному: и оружие не достал, и будить начальника вновь не стал, и даже дверь купе не закрыл: «Нетте спал на верхней полке, головой в сторону коридора. Дверь купе все время находилась открытой». Более того, «насторожив-

шийся» Махмасталь снова покинул купе, опять-таки оставив его открытым настежь (а начальника спящим!), и ушел в уборную. Хотя, как свидетельствует дипкурьер Борис Шапик (его рассказ помещен в том же политиздатовском опусе «Долг и отвага»), согласно инструкции, «в пути следования необходимо было сидеть в купе, не отлучаясь ни на минуту, и охранять диппочту. Для того чтобы пойти в вагон-ресторан, нужно было пройти ряд вагонов, а идти с почтой было довольно опасно, в любом тамбуре могла быть устроена засада. Заказать в ресторане обед и попросить принести его в купе было также рискованно, так как не исключено, что пищу могли отравить...». Как писал другой дипкурьер, Евгений Рубинин, страны Прибалтики тогда «кишели русскими белогвардейцами и наемными бандитами. В любой момент от них можно было ожидать нападения или какой-нибудь провокации», потому «дипкурьеры постоянно находились в состоянии огромного нервного напряжения» и, главное, должны были всегда находиться наготове с заряженным оружием в руках.

Так что инструкции товарищи Нетте и Махмасталь однозначно нарушили, расслабившись после пересечения границы с Латвией. Когда Махмасталь пошел в туалет, оставив открытым купе со спящим Нетте, тут, по его словам, все и началось: в коридоре появились какие-то люди в черных масках с оружием. «Увидев все это, я бросился в свое купе, крикнув спавшему на верхней полке Нетте: „Бандиты в масках!“» При этом дверь купе Махмасталь вновь оставил открытым! Дальше еще круче: «Быстро схватив лежавшие на столике у окна под салфеткой наши с Нетте два маленьких маузера, передал один Нетте, *а второй стал готовить для стрельбы...*». К вопросу об оружии: поскольку «маленьким маузером» профессиональный чекист явно не мог назвать здоровенный классический Mauser C-96 (пусть даже и в его несколько укороченной версии «Боло»), значит, это был карманный «маузер» калибра либо 6,35 мм (образца 1910 года), либо 7,65 мм (образца 1914 года). Сам Махмасталь показал: «Всего я стрелял раз девять, так как выяснилось, что выпустил все патроны...». Значит, это был 6,35-мм «маузер» 1910 года – он как раз девятизарядный. Но вооружать дипкурьеров пистолетом, использующим столь маломощный и слабый патрон калибра 6,35 мм, – разве это не глупость, разгильдяйство или что похуже?

Продолжу цитировать Махмасталия: «В этот момент одним прыжком в купе вскочил замаскированный человек (купе, напомним, сам курьер и не закрыл! – *Авт.*)... Он направил на меня браунинг, *но я не успел еще вставить обойму*». Во как! Мало того, что оружие «под салфеткой», так оно еще и не заряжено? Дипкурьеров уже расстреливают, а Махмасталь только лишь собирается зарядить пистолет?! По крайней мере, так утверждал он сам... Да и вообще порой возникают нехорошие подозрения, действительно ли он участвовал в перестрелке или расстрелял магазин уже после, в окно или крышу? Ведь если бы он действительно стал стрелять, еще не будучи раненым, то в той тесноте уж обязательно задел бы кого-то из нападавших. Но как показала экспертиза, именно Нетте, и только он, успел ранить обоих братьев Габриловичей, а все пули Махмасталия – если он вообще стрелял во время нападения – прошли мимо, «в молоко». Хотя, конечно же, сам он твердил, что попал одному бандиту в грудь, а другому в живот. Да вот только ни один из нападавших не был ранен ни в грудь, ни в живот. По словам Махмасталия, после того, как он расстрелял все патроны, то якобы увидел еще и третьего человека «с маской на лице, в пальто цвета маренго, русских сапогах и с револьвером „парабеллум“ в руке», который стоял возле купе и смотрел на раненого курьера. Мог спокойно добить его, но, «ничего не сказав и ничего не сделав, он ушел». Позже Махмасталь будет уверять, что третий был плохо выбрит, с длинным бледным лицом, светлыми усами, в жокейском кепи, а сапоги – с галошами. Он, мол, и добил двух раненых бандитов. Потом в показаниях Махмасталия появился и четвертый. Так или иначе, если судить по показаниям выжившего, нападавшие имели все возможности добить его, но почему-то этого делать не стали: может, потому, что он и «не рыпался»? Кстати, чем именно были вооружены нападавшие, тоже никак понять невозможно: тот же Махмасталь, путаясь, говорил то про браунинг, то про парабеллум, то про наганы, хотя

уж он-то, как недавний чекист, в оружии разбирался прекрасно. Нет и никаких сведений о проведении трасологической и баллистической экспертиз, неясно, чем были вооружены братья Габриловичи, из какого оружия в их головы были выпущены роковые пули. Равно как по сей день неясно, из какого именно оружия был убит Нетте и какие пули извлекли из раненого Махмасталя. Как ни странно, советскую сторону такие «мелочи» тоже отчего-то совершенно не заинтересовали, зато вызвала раздражение, как писал один из тогдашних советских дипломатов, «нарочитая медлительность в действиях полиции: долго обсуждали вопрос о калибрах пистолетов...».

Советская версия, правда, сугубо неофициальная, газетная и пропагандистская, гласила, что нападавших было трое, четверо и даже пятеро, один из которых, мол, и добил раненых братьев выстрелами в затылок. Правда, смертельные ранения, повторюсь, были вовсе не в затылок, а в висок, но кого это занимало? Действовали же нападавшие, разумеется, по заданию иностранных разведок – английской, польской, латышской, литовской и др. Иногда, правда, утверждалось, что это дело рук белых эмигрантов, но, опять-таки, выполнявших задание английских спецслужб. Любопытно, но латышские и литовские власти тогда не особо и возражали, когда стрелки переводили на англичан и поляков, и публикациям на эту тему в своих газетах не препятствовали. В связи с этим в прессе этих стран популярной оказалась версия про «вдруг» обнаружившегося «третьего брата» по имени Леопольд – майора польской армии или польской военной разведки, обитавшего в фешенебельной квартире в Варшаве, который и подвиг, мол, братьев на дело. Большой сумбур внесло письмо, якобы написанное Брониславом Габриловичем своему родственнику, – литовские, а затем и латышские газеты опубликовали его 11 февраля 1926 года. В письме, написанном неплохо поставленным почерком на относительно хорошем русском языке (хотя и не без мелких ошибок), его автор извещал «дорогого Геню»: *«...Теперь наверно ты уже знаешь, на какую границу мы уехали, нам было неприятно идти на такую операцию, но чтож (так в оригинале. – Авт.) поделать, что другого выхода нам не было, со спекуляцией почти ничего нельзя было заработать, а денег не было откуда взять...»* Смущает не столько русский язык природного поляка (в конце концов, писал он его вроде бы своему русскому родственнику), сколько почти безупречное соблюдение нового советского (!) правописания: никаких там тут «ятей», «еров» и прочих «фит», о чем и свидетельствует фотокопия послания. Но эмигрант, получивший образование, хотя бы и начальное, еще в Российской империи, так писать в 1926 году явно не мог: это же надо было специально переучиваться, отвыкая от инстинктивного «старорежимного» письма! Кстати, «брат-майор» так никогда и нигде больше не всплыл, да и не оказалось никаких документальных сведений о наличии такого майора в польской армии или разведке. Хотя, конечно, странно: люди идут на страшное, смертельное дело – и берут с собой документы (паспорта), оставляют подробные письма... Так или иначе, но ни польский след, ни британский веского документального или материального обоснования не получили, да это и было бы удивительно: если к этому и были причастны разведки, то уж они-то за собой точно все подчистили. 25 октября 1927 года следствие было закрыто по причине смерти обвиняемых. Как ни удивительно, советская сторона по этому поводу возражений не высказала и на продолжении поисков возможных сообщников больше не настаивала. Более того, завершение дела в Москве восприняли с плохо скрытым удовлетворением.

Бриллианты для диктатуры пролетариата?

Возможно, это было связано со спецификой того груза, который везли дипкурьеры? Не случайно латвийская пресса тогда написала, что дипкурьеры сложным маршрутом, через Ригу и Таллин, везли в Берлин груз бриллиантов аж на четыре миллиона рублей золотом. Но, как полагает латвийский историк Эрик Екабсонс, скорее всего в их багаже была большая партия фальшивых британских фунтов стерлингов, предназначенная, скорее всего, для финансиру-

ния очень серьезного дела – подготовки всеобщей стачки в Великобритании. Стачка, кстати, и вспыхнула – в мае 1926 года, и едва не сотрясла туманный Альбион! Как позже выяснят британские службы, советское финансирование этого «проекта» действительно имело место. И вовсе не случайно Максим Литвинов, тогдашний заместитель наркома иностранных дел СССР, выдал на похоронах Нетте такую нетривиальную фразу: «Ограбление почты дало бы нашим врагам возможность изготовленные ими поддельные документы выдать за настоящие, найденные в дипломатической почте!»

А фальшивые фунты (а также и доллары) в СССР тогда тоже печатали: свидетельства этого обнаружил и оставил в своих собранных материалах журналист, ветеран советского 130-го Латышского корпуса Гунар Курпниекс. Собирая в 1950–1960-е годы материалы о чекисте Эдуарде Берзиньше, он случайно наткнулся и на сведения о производстве этих фальшивок. Более того, ему удалось поговорить и с некоей Верой Звиргздиня, с 1925 года работавшей кассиром в советском полпредстве (посольстве) в Таллине. Она и поведала Курпниексу, что Нетте и Махмасталь должны были доставить туда деньги, а затем поехать в Берлин: «Сама процедура была секретной до мелочей. Полученные от курьеров деньги я по своим каналам отсылала дальше. Иногда это было легально, но чаще – с посредничеством агентов». По словам бывшей спецкассирши, когда им из Риги по телефону сообщили о происшедшем в поезде, в полпредстве «начался ужасный переполох. Никто же не знал, что Махмасталь будет держаться настолько безупречно. Можете представить, что случилось бы, если бы полиция нашла в мешках фальшивые деньги! ...Позор, связанный с фальшивыми деньгами, обрушил бы нас как карточный домик». С этим можно согласиться: дипкурьеры спасли если и не государство, то его престиж, и без того тогда хилый. Утрать они контроль над багажом, скандал бы вышел грандиозный, на всю планету, с последствиями катастрофическими и непредсказуемыми: фальшивые деньги в дипломатической почте – это не та вещь, которую можно запросто замять. Может, конечно, дипкурьеры, привыкнув к рутине таких поездок, тогда и «расслабились», но дело свое они сделали, так что наградили их заслуженно. Правда, после выздоровления Махмасталь перевели с «оперативной» работы на административную, затем на хозяйственную, а в 1937 году и вовсе арестовали. К счастью, не расстреляли. Официально считается, что он умер в эвакуации в Челябинской области. На деле – фактически в ссылке, в полной безвестности, пытаясь спастись от голода тем, что в глухом селе своим фотоаппаратом делал снимки людей в обмен на продукты питания... Даже точная дата его смерти – и та неведома: февраль 1942 года, и все. Его могилу кое-как отыскивали (или сделали вид, что нашли) лишь тогда, когда вдруг вспомнили о 50-летию нападения на дипкурьеров. В 1977 году могилу поставили на госохрану, а в 1989 году соорудили в селе мемориал, установив бюст Махмасталь...

Глава 4. Войков: допустимая потеря?

7 июня 1927 года на варшавском вокзале некий Борис Коверда шесть раз выстрелил из пистолета в полпреда (посла, по-современному) СССР Петра Войкова. Две пули достигли цели и через 50 минут он скончался в госпитале, куда его успели доставить. «Рука героя-монархиста дотянулась до убийцы царской семьи», – злорадствовали эмигрантские издания, поскольку за пределами Страны Советов причастность Войкова к злодеянию в Ипатьевском доме мало кем подвергалась сомнению. Европейские газеты сравнивали убийство советского посла с сараевским и судачили о скорой войне с Советами.

«Наш ответ Чемберлену»

К 1927 году положению Сталина завидовать не приходилось, у него, казалось, все сыпалось: полный провал его экономической политики, воспрянувшая оппозиция, буквально вырывающаяся из его цепких рук партия, да еще оценивающие приглядывались к шее товарища Сталина «красные маршалы» и даже ближайшее окружение – «сбород тонкошеих вождей». Единственная возможность сохранить власть (и жизнь) – максимально закрутить гайки внутри страны и партии. Был бы повод...

Товарищ Сталин, конечно, такой повод и сам обязательно придумал бы – если бы успел, конечно. Но 23 февраля 1927 года поистине царский подарок чуть не на блюдечке ему преподнес британский министр иностранных дел Джозеф Остин Чемберлен: направил ноту советскому правительству, пригрозив разорвать отношения с СССР, если тот не прекратит подрывную деятельность – в том числе, и в Великобритании. Грех было не воспользоваться таким сувениром, и тов. Сталин принялся раскручивать «британскую подлость» по полной программе, организовав масштабную кампанию по всей стране под девизом «Наш ответ Чемберлену!».

События того времени вошли в историю как «военная тревога». Казалось, на большевиков ополчился весь мир: по всей Европе и даже в Азии показательно громили советские агентурные сети. 6 апреля 1927 года китайская полиция разгромила советское полпредство в Пекине, захватив документы резидентур ОГПУ и Разведупра. 9 апреля 1927 года уже во Франции с поличным при встрече с агентом был взят помощник нелегального резидента Разведупра Стефан Узданский. Следствием провала стал арест во Франции около ста человек из числа советской агентуры. 12 мая 1927 года в дело вступили и британцы – полиция совершила в Лондоне налет на советское торговое общество «Аркос», также захватив много интересных документов, и 27 мая британская корона выполнила обещанное и разорвала отношения с СССР. Полпреду Аркадию Розенгольцу со товарищи было предложено покинуть туманный Альбион в десятидневный срок. А следом прогремели выстрелы в Варшаве...

В отношениях с Польшей горшки были побиты и без Войкова: на границе двух стран фактически шла необъявленная война. Советы вели «активную разведку» – этим эвфемизмом в Москве именовали заброску в Восточную Польшу (Западную Белоруссию и Западную Украину) диверсионно-террористических групп под командованием чекистов и командиров Красной армии. «Партизаны», типа Ваушасова и Орловского, вырезали польских стражников, полицейских, «помещиков», сельских старост. Когда припекало, шустро сбегали на советскую территорию под защиту красноармейских штыков. А в Варшаве вовсю резвились бомбисты – местные террористы-коммунисты, которых снабжали взрывчаткой, гранатами, бомбами и т. п. прямо из здания советского полпредства. В свою очередь, поляки «асимметрично» опекали боевиков Савинкова.

Но к описываемому моменту самого Бориса Викторовича уже давно не было в живых – еще в августе 1924 года его выманили на советскую территорию, захватили, и затем он был успешно «самоубит» на Лубянке в мае 1925-го. И от его организации остались лишь ошметки и обглодки. В отличие, скажем, от Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) – эту монархическую организацию в Кремле (и на Лубянке) как раз почитали за врага серьезного. Но вся соль в том, что опорных пунктов в Польше у террористов «монархической ориентации» быть просто не могло: особо энергичных поклонников «единой и неделимой» поляки выставили сразу после окончания советско-польской войны. Слишком уж глубоки были противоречия между интересами русских монархистов и ярого польского националиста Пилсудского, так что посланцев Врангеля и великого князя Николая Николаевича в Польше не очень жаловали. Но Кремль, предметно представлявший реальные польские расклады, вдруг почему-то предпочел ухватиться именно за «монархическую» версию.

Главный противник

7 июня 1927 года полиция еще допрашивала неведомого стрелка; его партийно-политическая ориентация, а равно и мотивы покушения были еще загадкой. Но товарищ Сталин уже знал все ответы на все вопросы, хотя и находился весьма далеко не только от Варшавы, но и от Москвы – в Сочи. Поздним вечером того дня, прочтя сухую шифровку о покушении, он тут же надиктовал Молотову директиву, отправленную 8 июня в 1 час 50 минут ночи и поступившую в шифрбюро ЦК ВКП(б) в 8 часов 40 минут утра: «Получил об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево...». Но, строго указав вождем, с поляками ни в коем разе даже в словесную конфронтацию не входить – с учетом тогдашней реальной боеспособности (т. е. полного отсутствия таковой) Красной армии это могло дорого стоить. «От нас требуется максимум осторожности. ...Надо дать официальное извещение... с указанием, что общественное мнение СССР считает вдохновительницей убийства партию консерваторов в Англии...».

И, наконец, о главном – тех самых гайках, которые срочно надо было начать закручивать: «Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами». Ибо, с нескрываемым удовлетворением завершил вождем, «убийство Войкова дает основание для полного разгрома монархистских и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами...».

Указания высшей инстанции приняты к исполнению незамедлительно: уже 8 июня 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление «О мероприятиях в связи с белогвардейскими выступлениями». Поручив ОГПУ «принять решительные меры в отношении белогвардейцев»: «произвести массовые обыски и аресты», «опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел 20 видных белогвардейцев», «согласиться с тем, чтобы ОГПУ предоставило право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела...».

Первую партию «белогвардейцев» бессудно расстреляли уже вечером 9 июня. Всего же в те дни ОГПУ произвело по всей стране не менее 20 тысяч обысков и девяти тысяч арестов «бывших людей». Когда председатель ОГПУ Менжинский уведомил Политбюро, что «ОГПУ предполагает число расстрелянных ограничить сравнительно небольшой цифрой», да и вообще слегка сбавить темпы, то получил недвусмысленную отповедь Сталина: повальные аресты продолжить. Используя их еще и «для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов».

Но главным объектом чекистской атаки стали не «домашние» монархисты, а закордонные – тот самый РОВС, созданный в 1924 году генералом Врангелем, а затем принятый под крыло великим князем Николаем Николаевичем. И его тайная структура – боевая организация генерала Кутепова. Но почему под шумок выстрелов Коверды, который, как быстро выяснится, никогда никаким монархистом не был, стрелки перевели именно на РОВС, казалось бы, уже давно деморализованный ныне распиаренной чекистской операцией «Трест»? Если на момент создания РОВСа в нем было порядка 40 тысяч человек, то к 1929 году его боевые возможности оценивали уже в 50–60 тысяч «штыков». Мало? Но это же были офицеры и солдаты, дисциплинированные, сплоченные в подразделения, в активе которых был отменный боевой опыт, качественная подготовка и хорошая физическая форма. Превосходный профессиональный мобилизационный контингент, в любой момент способный стать армией. Или – острием армии вторжения. Да и как собственно террористов недооценивать их было чревато: 3 июня 1927 года в Москве боевики РОВС пытались взорвать общежитие сотрудников ОГПУ на Малой Лубянке, 6 июня 1927 года боевик РОВС бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве, а 7 июня 1927 года, в тот же день, когда в Варшаве стреляли в Войкова, группа кутеповцев прорвалась и в Ленинград, забросав бомбами Центральный партклуб на Мойке. Никого из «сброда тонкошеих вождей» совсем не прельщала перспектива случайно (или не очень) залететь под руку этих отмороженных молодцев. Но, повторюсь, Кремль все же больше заботила не дилетантская возня нескольких десятков террористов Кутепова, а собственно РОВС как потенциально организованная сила.

Чужой среди своих

...Войкова хоронили торжественно: воинские почести, траурные марши, гроб на артиллерийском лафете, митинг, Кремлевская стена. Однако некролог «Правды» был обезличен и сух до необычайности: советские вожди явно скорбели не по самому убиенному, а лишь отдавали должное его статусу – Войков не был для них совсем уж «своим». Вот и советские энциклопедии услужливо подскажут, что до 1917-го Войков был меньшевиком. Порой внимание акцентировали еще и на том, что Войков хотя и вернулся после февраля 1917-го в «пломбированном» вагоне, но не в том, не в «правильном» вагоне – не с Лениным, а с лидером меньшевиков Мартовым...

Петр Лазаревич Войков родился в 1888 году в семье, как утверждал советский дипломат (и невозвращенец) Григорий Беседовский, «директора керченской гимназии, махрового монархиста и члена «Союза русского народа». Но это полная чушь: никаким «махровым монархистом» и черносотенцем отец Войкова не был. Еще с подачи уже монархической эмиграции Петра Войкова и поныне упорно именуют Пинхусом Лазаревичем Вайнером и даже членом тайной еврейской террористической организации – это тоже чушь. В реальности он крещеный в православии «малоросс» или, как написали бы сегодня, «украинец». Его дед, Петр Войков, крепостной крестьян Таврической губернии, скопив деньги, выкупил у помещика вольную. Как истово верующий человек, он своего сына, крещеного в день святого Лазаря, назвал именем этого святого. И даже сумел дать ему достойное, гимназическое образование. После окончания гимназии Лазарь Петрович Войков поступил было в Петербургский Горный институт, но вскоре был исключен оттуда за участие в студенческой забастовке. Потому продолжил образование уже в Тифлисе, где закончил учительскую семинарию, затем получил место учителя математики в ремесленном училище Керчи. Мать Петра Войкова, Анна Филипповна, в девичестве Иванова, тоже получила высшее образование – закончила Керченский Кушниковский институт благородных девиц (иногда именуется «женский институт»). Сам Петр Войков учился в Керченской классической мужской Александровской гимназии, и в основном на отлично. Но в 1904 году был исключен из гимназии – формально за пропуск занятий, реально

– за политику, был зачислен в Ялтинскую гимназию, откуда тоже отчислен, так что гимназический аттестат он получил позже, когда экстерном сдал экзамены за полный гимназический. Советская литература утверждала, что с гимназических лет Войков был активным деятелем подпольных социал-демократических кружков, деликатно не уточняя, каких именно. Потому как кружки те были меньшевистскими. Но, если хорошенько покопаться, выяснится, что социал-демократических кружков и организаций в Крыму тогда практически не было, зато там всюду резвились социалисты-революционеры. Войкову приписывали организацию покушения на ялтинского градоначальника генерала Ивана Думбадзе в 1907 году: с балкона дачи в коляску проезжавшего мимо генерала была брошена бомба, но генерал выжил, отделавшись тяжелой контузией и множеством ранений. Но здесь сложно что-либо говорить о степени участия в этом деле Войкова: по одной из версии, он был причастен к перевозке бомб, по другой – планировал операцию. Более очевидной полагают его причастность к покушению на ялтинского полицмейстера Михаила Гвоздевича летом 1906 года. Есть версия, что группе из пяти боевиков, в том числе и Войкову, поручили тайно вывезти из Ялты самодельные бомбы. После погрузки мешка с бомбами в фаэтон боевики разделились. Войков вместе с двумя боевиками отправились за город к оврагу, где должны были «утилизировать» бомбы, другие два боевика пешком сопровождали экипаж. Именно они, услышав, что по бульвару сейчас должен проехать полицмейстер, неожиданно «поменяли концепцию», бросив бомбы в чиновника. Но неудачно: полицмейстер остался жив, боевики же, получив смертельные ранения, скончались в больнице. Сам Войков сбежал в Севастополь, оттуда в Петербург, где поступает на физико-математический факультет университета. Но вскоре полиция вышла на его след, и он по загранпаспорту своего товарища сбежал уже за границу – сначала в Париж, затем перебрался в Женеву. Там вступил в Швейцарскую социалистическую партию, продолжив активно сотрудничать как с меньшевиками, так и с ленинцами. Возвращаясь же к крымским эпизодам, отмечу: те теракты учиняли вовсе не социал-демократические дружинники-боевики (меньшевики или большевики, неважно), а один из эсеровских «летучих отрядов»! Так что с партийной принадлежностью Войкова все не так просто. Или, напротив, как раз ясно? Кстати, основательная «эсеровская» боевая закваска чувствовалась в нем буквально до последнего: ведь, будучи уже смертельно раненным, он, выхватив пистолет (тот еще дипломат, с пистолетом в кармане!), стал отстреливаться. Можно припомнить и другой варшавский эпизод: когда очередному резиденту ОГПУ в Варшаве потребовалось разгрузить сейфы от запасов предшественника – взрывчатки, бомб, ручных гранат и даже баллонов с отравляющими газами, Войков, игнорируя нормы, накладываемые дипломатическим статусом, к изумлению сослуживцев (и надзиравшей за ним польской контрразведки), с энтузиазмом взялся самолично топить бомбы в Висле!

Но для «настоящих» большевиков Войков так и остался чужим, а после Октября партийные кадровики и вовсе поставили на нем крест: путешествовал в одном вагоне с Мартовым, служил комиссаром в Министерстве труда Временного правительства. Правда, в августе 1917 года записался в большевики, был откомандирован в Екатеринбург, где стал секретарем Уралоблсовета профсоюзов, возглавил городскую Думу и даже был введен в местный Военно-революционный комитет. К слову, на Урале позиции эсеров тогда были сильны, так что появление там Войкова не выглядит случайным: Свердлов, как главный большевистский «кадровик», явно знал, кого туда надо отправить для налаживания рабочего контакта с эсеровскими активистами. Ну, и с меньшевистскими, возможно, тоже. Фигурять в анкетах изначальным большевизмом Войков не мог, а после разгрома в июле 1918 года так называемого левозэровского мятежа упоминать о каких-либо былых связях с эсеровской боевой организацией и вовсе стало опасно. Безопасней было прописать себе в заполняемых документах ранний меньшевизм, но этот же «меньшевизм», выжженный во всех анкетах, намертво блокировал путь наверх по линии партийной. Отсюда и его неустанное стремление любой ценой доказать: да свой я, свой!

Именно Войков в Уралсовете яростнее всех требовал казни царской семьи: предлагал расстрелять всех на берегу реки, привязать к ногам гири и утопить. Также он якобы поведал Беседовскому, что напросился на поход в ипатьевский подвал, лелея мысль лично шлепнуть бывшего царя, чтобы уж точно и наверняка войти в историю. Но, по его словам (опять-таки, в изложении Беседовского), все испортил «скотина, мясник, идиот» Юровский, сразу застреливший Николая и превративший «торжественный исторический акт» в мясницкую бойню. И вот Войкову в общей куче расстрельщиков якобы пришлось беспорядочно палить по императрице, детям, прислуге, добывая их выстрелами в голову и докалывая штыками, а потом было разрубание трупов. Войков участием в бойне похвалялся, демонстрируя снятый с пальца императрицы перстень с рубином и пистолет, из которого стрелял. Но это повествование, скорее всего, просто плод буйной фантазии перебежчика Беседовского. Особенно якобы снятый с пальца убитой императрицы перстень: да за такое Юровский его бы самолично на месте пристрелил! Даже столь дотошный следователь, как Николай Соколов, упорно копавший это дело по горячим следам, обнаружил лишь подпись Войкова на требовании о выдаче серной кислоты, которую использовали для уничтожения тел. В хранящихся в архивах воспоминаниях организаторов и непосредственных убийц, в частности, Якова Юровского и Петра Ермакова, никакого упоминания Войкова нет, но его роль в этом деле действительно велика. Именно Войков – автор, организатор и основной исполнитель изощренной чекистской провокации образца июня – июля 1918 года, целью которой было получение «неопровержимых» письменных доказательств подготовки некими монархистами побега царской семьи из Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Речь идет о тайно переданных низложенному монарху письмах, написанных по-французски якобы от имени группы офицеров-монархистов, обещавших выволить Николая и его семью из заточения. Как раз Войков и придумал, а затем вместе с чекистами реализовал эту грязную провокацию, вынудив Николая вступить в переписку с мнимыми спасителями, он сочинял, а затем и надиктовывал эти письма чекисту с хорошим почерком. Хорошо владея французским, самолично писать их не стал, не желая оставлять каких-либо следов своего непосредственного участия – обстановка была крайне неустойчива и опасна. Вот именно эта переписка с лжезаговорщиками и стала поводом для обоснования убийства...

Но факт, что Войкову действительно хотелось «живого дела», славы, почестей, чинов, а даже и после цареубийства ему – бывшему боевику – еще долго пришлось прозябать по линии... потребкооперации. Впрочем, все «екатеринбургские мясники» тогда тоже оказались не в фаворе – именно из-за этих недоумков, не сумевших сработать тихо и «чисто», кремлевская головка на долгие годы и оказалась невыездной. Мало того, они ведь еще и требовали общественного признания своего «подвига», болтая о нем где ни попадя, невзирая на четкое указание высшей инстанции: сидеть тихо и молчать в тряпочку.

...В 1922 году Войкову удалось перебраться на дипработу, и в конце 1924 года он с большим трудом получил пост советского полпреда в Варшаве. Но и там бывший террорист (если, конечно, террористы бывают *бывшими*) сидеть тихо не собирался. Так жаждал высунуться и рвался к «живой» (т. е. боевой) работе, что проявлял гиперактивность даже на работе вовсе не дипломатического свойства, лично участвуя в вывозе провалившихся агентов и боевиков, организации тайных вечерь с местными подпольщиками или в «утилизации» ненужного, но опасного «специмущества» – например, лично топил бомбы в Висле. Когда же утопил, загорелся очередной идеей фикс: а не замахнуться ли нам на Юзефа нашего Пилсудского? И, к вящему ужасу польской контрразведки, вроде бы даже занялся подготовкой его убийства на полном серьезе – на свой страх и риск, самодеятельно, без санкции Кремля!

При этом, давая выход своему неумному темпераменту, советский полпред, пристрастившийся к бутылке и даже наркотикам, якобы повадился снимать девиц нетяжелого поведения в самых злачных углах Варшавы, шастая там даже по ночам – в одиночку, но с пистолетом... Это, опять-таки, если верить Беседовскому. Трудно сказать, было ли у него время для

таких развлечений и стали бы польские власти терпеть дипломата-наркомана, шляющегося по притонам с пистолетом в кармане. Хотя кто знает: может, для них как раз лучше был именно такой «дипломат», засвеченный и весь как на ладони? Еще существовала версия, что Москва якобы была расстроена растратой Войковым нескольких тысяч казенных долларов, и вопрос о его отзыве – с неизбежным «разбором полетов» по партийной линии и оргвыводами – полагали почти решенным. Более того, можно даже встретить утверждения, что к тому времени Войкова уже исключили из партии и отозвали из Варшавы. Как иронично заметил Беседовский, «выстрел Коверды избавил его от этих неприятностей» – ко всеобщему, мол, удовлетворению. Хотя, разумеется, никто его из рядов ВКП(б) заочно не исключал, да и как бы мог продолжить работу за границей советский полпред, будучи исключенным из партии? Но его дипломатическая карьера, безусловно, подходила к концу и поста в Варшаве он несомненно лишился бы в том же 1927 году. Именно в 1927 году команда Сталина учинила поистине массовую замену советских представителей за рубежом: сменены полпреды во Франции, Латвии, Литве, Эстонии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Китае, Монголии, Иране, Мексике. А в Японии в 1927 году Кремль и вовсе сменил аж троих советских полпредов. В 1928 году сменились советские представители в Италии, Чехословакии... Из Великобритании советского полпреда, как известно, «попросили» в мае 1927 года. То есть именно тогда шла замена советских полпредов практически во всех странах, с кем тогда СССР имел дипломатические отношения. И никаких шансов пересидеть в Варшаве эту тотальную «чистку послов» у Войкова не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.